

На правах рукописи

Кустова Виктория Викторовна

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент
Ображиев Константин Викторович

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», отдел уголовно-правовых исследований, заведующий

Лапшин Валерий Федорович
кандидат юридических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кафедра уголовного права, начальник

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Защита состоится 15 декабря 2016 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 при Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15, конференц-зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на официальном сайте Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>, а также на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан 11 октября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется потребностью современной правотворческой и правоприменительной практики в достоверной и обоснованной научной информации о перспективных возможностях использования уголовно-правовых средств для целей раннего предупреждения преступлений. Одно из направлений такого использования связано с противодействием финансированию преступлений.

Текущее состояние преступности, особенно наиболее опасных ее форм и видов (организованной, террористической, экстремистской, насильственной) характеризуется усложнением механизма преступных посягательств, созданием разветвленных преступных сетей соучастников, социальной мимикрией и паразитированием на легальных социальных процессах и отношениях. Все более сложным и ответственным становится этап подготовки преступных посягательств, на котором вопросы финансовой поддержки преступления (стимулирования исполнителей, приобретения орудий и средств, инвестирования и т.п.) приобретают зачастую приоритетное значение. От их успешного разрешения зависит сама возможность и результативность преступлений, возможность сокрытия его следов и вероятность продолжения преступной деятельности.

Сознавая эти особенности современной преступности, законодатель стремится реагировать на них, создавая механизм разрушения финансовой основы преступной деятельности, уголовного преследования «финансистов» и изъятия материальных активов, предназначенных для финансирования преступлений. Среди прочего, его образуют предписания Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об ответственности за финансирование терроризма (ст. 205¹ УК РФ), незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ), экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ), наемника (ст. 359 УК РФ). Они дополняются положениями об ответственности за организацию преступлений, подстрекательство и пособничество в их совершении. При этом санкции за соответствующие виды криминальной деятельности предполагают

возможность назначения не только наказаний, но и применения конфискации имущества в качестве меры уголовно-правового характера.

Данный механизм, как представляется, пока находится в стадии становления и развития, в связи с чем его эффективность нельзя признать в полной мере реализованной. Анализ состояния законности и правопорядка в стране показывает, к примеру, что дела оперативного учета, заведенные в целях выявления и пресечения фактов финансирования терроризма, составляют всего 4% от находящихся в производстве территориальных органов внутренних дел и органов безопасности, а в некоторых регионах России (в Республике Ингушетия и Чеченской Республике) в отдельные годы они вообще отсутствуют¹. Практически не реализуется правовой механизм установления и обращения в доход Российской Федерации денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, полученных в результате преступной деятельности, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремизма и организованной преступности².

Причины такой ситуации носят комплексный и разносторонний характер. Не последнюю роль здесь играют недостатки и противоречия уголовно-правового регулирования: отсутствие единой нормативной концепции противодействия финансированию преступлений, различия в подходах к криминализации и наказуемости данной деятельности, одновременное дублирование и пробельность закона, отсутствие устоявшейся судебной практики квалификации преступлений, нормативная недостаточность регламентации конфискации имущества и др. При этом все они, как представляется, могут быть объяснены наличием существенного разрыва между актуальными потребностями практики и некоторыми консервативными положениями уголовного закона в части ре-

¹ Справка о состоянии исполнения законодательства о противодействии терроризму управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2014 г.; Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2013 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. – С. 242.

² Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2014 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – С. 259.

гламентации ответственности соучастников преступления и применения мер уголовно-правового характера, не связанных с наказанием.

Обсуждение этих проблем и поиск возможных вариантов их преодоления призваны способствовать оптимизации уголовного закона и обеспечению полноценной реализации его профилактической задачи. Свое слово здесь должна сказать наука уголовного права, сопоставляя имеющиеся традиционные правовые конструкции с актуальными потребностями противодействия преступлениям, разрабатывая новые теоретические конструкты и органично вписывая их в существующий нормативный каркас, прогнозируя и обосновывая направления совершенствования закона и практики его применения, приспособляя их к трансформации преступности в интересах защиты основных правоохраняемых ценностей.

Актуальность уголовно-правового исследования вопросов финансирования преступлений, таким образом, связана с текущими потребностями модернизации правотворческой, правоприменительной практики противодействия преступности, а также с внутренними потребностями юридической науки в обновлении традиционных уголовно-правовых конструкций.

Степень научной разработанности темы борьбы с финансированием преступлений нельзя признать в полной мере удовлетворительной.

В отечественной науке специальное внимание этим вопросам стало уделяться в связи с включением в УК РФ норм об ответственности за содействие терроризму и финансирование экстремизма, что предопределяло направленность и содержание соответствующих исследований П.В. Агапова, И.О. Кошевого, Д.Д. Магомедова, К.В. Михайлова, С.В. Мурадян, В.В. Ульяновой, А.В. Шестакова. До них и вне их вопросы ответственности за финансирование преступлений рассматривались лишь попутно в общих работах об ответственности соучастников преступления (Д.А. Безбородов, В.В. Васюков, С.А. Ершов, Т.И. Косарева, В.Ю. Шубина и др.).

Признавая ценность и результативность проведенных к настоящему времени исследований, приходится вместе с тем констатировать, что финанси-

вание преступлений в качестве самостоятельного предмета научного познания в российской уголовно-правовой науке пока представлено не было. Как следствие, за рамками анализа остались вопросы, без разрешения которых создание целостной теоретической концепции ответственности за финансирование преступлений вряд ли возможно. Среди них: понятие и систематизация преступлений, связанных с финансированием, возможности и пределы оценки данного вида деятельности с точки зрения института соучастия в преступлении, основания самостоятельной криминализации финансирования преступлений, адекватность и соразмерность санкций за это деяние.

Настоящая диссертация призвана способствовать восполнению определенного пробела в уголовно-правовой науке, связанного с комплексным анализом вопросов противодействия финансированию преступлений уголовно-правовыми средствами.

Объектом диссертационного исследования выступает комплекс урегулированных нормами УК РФ социальных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасных деяний, связанных с финансированием преступлений.

Предметом диссертационного исследования являются: понятие и система преступлений, связанных с финансированием преступных деяний; проблемы нормативной оценки и квалификации этих преступлений; проблемы конструирования санкций и применения мер уголовно-правового характера за финансирование преступлений; российский и зарубежный опыт противодействия финансированию преступлений.

Цель диссертации заключается в аргументации новых научных положений, совокупность которых составляет теоретическую концепцию уголовно-правового противодействия финансированию преступлений.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- проанализировать феномен финансирования в контексте современных криминальных процессов, сформулировать базовые понятия темы «преступления, связанные с финансированием», «финансирование преступлений»;

- выявить систему действующих уголовно-правовых норм об ответственности за финансирование преступлений, оценить ее достаточность современным потребностям раннего предупреждения преступлений;
- определить основные тенденции и предпосылки развития уголовно-правовых норм об ответственности за финансирование преступлений;
- изучить зарубежный опыт криминализации финансирования преступлений на предмет возможной рецепции его лучших достижений отечественной правотворческой практикой;
- установить возможности и пределы использования конструкции соучастия в преступлении для адекватной уголовно-правовой оценки финансирования преступных деяний;
- проанализировать опыт криминализации финансирования преступных деяний в качестве самостоятельного преступления и проблемы его квалификации в следственно-судебной практике;
- определить общие подходы к построению адекватных и соразмерных санкций за финансирование преступления.

Нормативные источники диссертационного исследования включают в себя Конституцию Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права (прежде всего, нашедшие выражение в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (ETS № 198) от 16 мая 2005 г.), УК РФ, иное федеральное законодательство, ориентированное на противодействие преступности и финансированию преступлений (в частности, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и др.).

Историко-правовой анализ темы выполнен на основе исследования памятников отечественного права XX–XXI веков (Русская Правда, Соборное Уло-

жение, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, УК РСФСР и др.). В сравнительно-правовом аспекте изучено законодательство Германии, Австрии, Франции, Великобритании, США, Китая, Японии, Ирана, Иордании и др.

Теоретическая основа диссертации представлена сложившимися в российской уголовно-правовой науке доктринальными концепциями соучастия в преступлении (Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, А.П. Козлов, М.И. Ковалев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин и др.), противодействия преступлениям против общественной безопасности (П.В. Агапов, С.У. Дикаев, В.С. Комиссаров, Г.В. Овчинникова и др.), применения наказания и иных мер уголовно-правового характера (И.И. Карпец, С.И. Курганов, Н.А. Лопашенко, М.Д. Шаргородский и др.), сравнительного правоведения (Г.А. Есаков, И.Д. Козочкин, Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова и др.).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

- результаты анализа статистических данных о состоянии преступности и судимости за преступления, связанные с финансированием преступлений, за период с 2010 по 2015 гг.;

- итоги изучения обвинительных приговоров по 116 уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105, 205, 205¹, 208, 209, 228, 282², 282³ УК РФ, а также материалов 178 уголовных дел, в которых применялись нормы института соучастия для оценки действий виновных лиц, рассмотренных судами Московской области, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Дагестан, Чеченской Республики, Республики Татарстан;

- материалы обобщения опубликованной практики Верховного Суда Российской Федерации (в том числе 68 судебных решений по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 209 и 210 УК РФ);

- итоги изучения практики Конституционного Суда Российской Федерации в части проверки конституционности положений уголовного законодательства (10 документов);

- данные, полученные в процессе анкетирования 135 сотрудников правоохранительных органов (в том числе 75 сотрудников прокуратуры, выступающих государственными обвинителями в суде, 30 судей и 30 следователей Следственного комитета Российской Федерации; опрос проводился в Москве, Московской и Калужской областях, Республике Дагестан).

При подготовке диссертационного исследования автором также был использован личный опыт прокурорского надзора за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции, полученный в ходе работы в прокуратуре Московской области.

Методологическая основа работы характеризуется соблюдением гносеологических принципов диалектики как всеобщего метода познания действительности, в частности принципов историзма, объективности, конкретности истины, всеобщей связи явлений, системности знания, восхождения от абстрактного к конкретному. В работе использованы общенаучные (анализ, синтез, классификация, типология) и частнонаучные (формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, документальный, статистической сводки и группировки данных, экспертного опроса) методы анализа социально-правовых явлений.

Научная новизна диссертации состоит в разработке целостной концепции уголовной ответственности за финансирование преступлений, которая включает в себя взаимосвязанные теоретические положения, отражающие закономерности исторического развития соответствующих уголовно-правовых норм, актуальные правила квалификации преступлений по нормам действующего законодательства, обоснование перспективных направлений совершенствования нормативной практики конструирования диспозиций и санкций норм об ответственности за финансирование преступлений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Преступления, связанные с финансированием, это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, которые либо посягают на финансовые интересы государства, либо заключаются в нарушении правил фи-

нансирования легальной деятельности, либо состоят в финансировании нелегальной деятельности. Под финансированием преступлений следует понимать общественно опасные и уголовно наказуемые деяния, которые состоят в аккумуляровании денежных средств или иных материальных ресурсов и (или) их безвозмездном либо возмездном предоставлении или инвестировании в преступную деятельность самого виновного или третьих лиц.

2. Система преступлений, связанных с финансированием, представлена следующими видами посягательств:

а) финансирование преступлений:

- как самостоятельное преступление (ст. 205¹, 208, 282³, 359 УК РФ);

- как соучастие в ином преступлении (финансирование как организация преступления, как пособничество и как подстрекательство к совершению преступления);

б) финансирование непреступной деятельности как преступление:

- нарушение правил финансирования какой-либо деятельности как преступление;

- совершение финансовых операций как способ совершения преступления;

- операции с легальными средствами нелегальным путем;

- операции с нелегальными средствами легальным путем.

3. Общественная опасность финансирования преступлений одновременно и совокупно определяется его местом в системе криминальных и экономических отношений. Этот вид деятельности выступает в качестве мощного канала:

- самодетерминации преступности, средства аккумулярования и перераспределения финансовых ресурсов между различными видами преступной деятельности, благодаря которым одни преступления обеспечивают и поддерживают совершение других преступлений;

- перевода денег и финансовых ресурсов из легального экономического оборота в нелегальные финансовые потоки, в том числе в криминальный биз-

нес, с характерными негативными последствиями для «белой» экономики в виде инфляции, «бегства» капитала и пр.

4. Общей линией развития отечественного и зарубежного законодательства в части регламентации ответственности за финансирование преступлений выступает тенденция конструирования для этих целей самостоятельных составов преступлений в особенной части уголовного законодательства. Она объясняется, с одной стороны, узкими рамками института соучастия в преступлении, построенного на началах акцессорной теории, а с другой стороны – ограниченными началами в конструировании оснований ответственности за приготовление к преступлению. Перечень норм об ответственности за финансирование преступлений с учетом имеющегося иностранного опыта может быть расширен. При этом конструирование общей нормы об ответственности за финансирование преступлений нецелесообразно.

5. Действующее уголовное законодательство содержит резервы в части совершенствования содержания и техники оформления норм об ответственности за финансирование преступлений. Целесообразно:

- закрепить составы финансирования терроризма и незаконного вооруженного формирования на уровне самостоятельной статьи закона с обязательным дефинированием понятия «финансирование» в каждом из них;
- при описании предмета финансирования использовать термин «деньги или иное имущество», при описании признаков объективной стороны – «сбор или предоставление», при описании субъективной стороны отказаться от указания на заведомость предназначения средств;
- обсудить вопрос о криминализации действий, связанных с финансированием незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, организации занятий проституцией и контрабанды;
- включить в объем понятия «пособничество» заранее обещанные действия по легализации предметов, добытых преступным путем.

6. Квалификация действий, связанных с финансированием преступлений, должна учитывать следующие правила:

- понятием «финансирование» не охватывается предоставление оружия или иных запрещенных к обороту предметов, которое требует самостоятельной уголовно-правовой оценки;

- разовое предоставление денежных средств или иного имущества конкретному лицу для обеспечения его участия в действиях террористического или экстремистского характера, а равно участия в незаконном вооруженном формировании образует признаки пособничества, но не финансирования терроризма, экстремизма или формирования;

- финансирование преступлений как самостоятельный деликт окончено в момент приема финансируемым лицом хотя бы части предоставляемых средств или имущества;

- финансирование преступления членами организованной преступной группы или преступного сообщества должно признаваться исполнением финансируемого преступления;

- публичное обещание награды любому, кто совершит то или иное конкретное преступление, должно признаваться подстрекательством к преступлению либо приготовлением к нему.

7. Санкции за преступления, состоящие в финансировании преступных деяний, неадекватно отражают их общественную опасность. Они не обязательно должны быть сопоставимы с санкциями, установленными за финансируемые преступления и с наказанием за преступления, совершенные в соучастии, но при этом должны позволять относить финансирование преступлений к деликтам средней тяжести и включать, помимо лишения свободы, альтернативное дополнительное наказание в виде штрафа.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его результаты способствуют приращению юридического знания, развивая уголовно-правовое учение о соучастии в преступлении и приспособлявая его к актуальным потребностям сегодняшнего дня за счет аргументации предпосылок и оснований самостоятельной криминализации действий отдельных видов соучаст-

ников; вносят свой вклад в учение о санкциях, создавая модельные представления об адекватности задаче противодействия финансированию преступлений.

Практическое значение результатов исследования определяется возможностью их использования: в работе по совершенствованию уголовного законодательства в направлении усиления его ранней профилактической функции; в практике работы правоохранительных органов и судов по квалификации преступлений, связанных с финансированием преступных деяний; в учебном процессе подготовки специалистов с высшим юридическим образованием, а также в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертации осуществлялась посредством их обсуждения на заседаниях кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также на 3 научных форумах: VII научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 19 июля 2015 г.); заседании круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 23 июня 2015 г.); XIII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 28 – 29 января 2016 г.). Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 7 научных статьях (3 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации). Отдельные выводы и рекомендации исследования внедрены в практическую деятельность прокуратуры Московской области, а также используются в учебном процессе юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Структура работы определяется ее задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, последовательно раскрывающих понятийные, сравнительно-правовые, формально-юридические и социально-правовые аспекты избранной темы, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуются эмпирическая, нормативная и теоретическая основы диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется их теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 «Финансирование преступления: теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ» посвящена анализу понятия и системы преступлений, связанных с финансированием преступной деятельности, их историко-правовому и компаративному исследованию.

В § 1 «**Понятие и система преступлений, связанных с финансированием**» отмечается, что в сфере уголовного права финансирование представлено либо элементом объекта охраны, либо частью объективной стороны общественно опасного посягательства. В последнем случае выделяются: а) посягательства на отношения в области финансов, которые по механизму своего совершения с необходимостью предполагают проведение финансовых операций или совершение каких-либо иных действий с финансовыми инструментами (преступления, связанные с легализацией преступных доходов, валютные преступления и т.п.); б) преступления, которые состоят в нарушении установленного порядка легального финансирования легальной деятельности, но имеют при этом иной, нежели финансы, основной объект посягательства (нарушение правил финансирования избирательной кампании); в) преступления, посягающие на интересы безопасности, объективная сторона которых охватывает любые виды предоставления денежных средств или оказания иной материальной помощи и поддержки. Закон признает преступлением либо сам процесс финансирования (финансирование как преступление), либо устанавливает ответственность за финансирование преступной деятельности. При этом уголовно-правовая оценка финансирования преступной деятельности может быть различной с точки зрения того, полагает ли необходимым законодатель конструировать для целей охраны тех или иных объектов самостоятельный состав преступления, либо же считает возможным ограничиться оценкой финансирования

как разновидности соучастия лица в преступлении. На основе анализа и обобщения всех разновидностей связанных с финансированием преступлений в работе определяется их понятие и система, предложенные в качестве вынесенных на защиту положений.

Далее отмечается, что финансирование преступлений обладает обязательными признаками общественной опасности, уголовной противоправности и виновности.

1. Общественная опасность определяется содержанием того объекта, на причинение вреда которому направлена финансируемая деятельность, а также степенью вероятности, размером и содержанием этого вреда. Практикующие юристы усматривают опасность финансирования преступлений в том, что: включаются материальные стимулы в мотивации исполнителей преступлений (83%); улучшается техническая оснащенность преступлений (79%), создаются условия для вербовки в преступления новых лиц (67), формируется материальная база для установления, поддержания и развития коррупционных связей (59%), создаются условия для сокрытия лиц, совершивших преступления (64%). Однако общественная опасность финансирования преступлений должна рассматриваться не только с точки зрения уголовно-правовых взаимосвязей отдельных видов преступлений, но и с точки зрения финансово-экономической. В этом случае целесообразно дифференцировать финансирование преступлений на внутреннее и внешнее, а также с учетом криминологических реалий и происхождения средств, на финансирование преступлений легальными и нелегальными денежными потоками.

2. Финансирование преступлений обладает «прямой» уголовной противоправностью, при которой запрет на поведение сформулирован непосредственно в тексте уголовного закона. Этот запрет выражен либо нормами о соучастии в преступлении, либо в предписаниях, формулирующих отдельный состав преступления. Причины самостоятельной криминализации финансирования преступлений практикующим юристам видятся следующие: повышенная общественная опасность финансирования отдельных видов деятельности по сравне-

нию с иными (86%), тесная связь и зависимость вероятности какого-либо преступления от финансирования (54%), распространенность финансирования именно этого вида преступлений (62%), необходимость усиления ответственности и наказания за финансирование какого-либо преступления (74%), необходимость ответственности за финансирование общественно опасной деятельности, которая прямо не подпадает под тот или иной состав преступления (43%). В теоретическом плане установление самостоятельной ответственности за финансирование преступлений объясняется также изменением самого подхода к определению правовой природы этого вида деятельности, в отказе от его оценки с позиций соучастия и наделении его статусом самостоятельной угрозы общественной безопасности, а также в стремлении укрепить потенциал уголовного законодательства в обеспечении ранней профилактики преступлений.

3. Виновность выступает одним из обязательных условий криминализации финансирования преступлений. Правовой упрек лицу возможен лишь в ситуации, когда оно осознает, что совершает финансовые операции или иные действия по предоставлению средств для того, чтобы иные лица использовали их в криминальных целях. Упрек основан на том, что в сознании лица одновременно представлен весьма широкий круг негативных социальных последствий своего деяния: способствование преступлению, увеличение вероятности причинения вреда объекту финансируемого преступления, вывод денежных средств из легального оборота.

В § 2 «Зарождение и развитие законодательства об ответственности за финансирование преступления» в качестве рабочей гипотезы высказана мысль о том, что законодательство об ответственности за финансирование преступлений напрямую зависит от двух групп социально-правовых факторов: значимости денег в экономике и межличностном взаимодействии, а также от уровня развития института соучастия в уголовном праве. При этом установлено две линии взаимного влияния финансовых и криминальных отношений.

С одной стороны, оно выражалось в спросе исполнителей преступлений на финансовые услуги третьих лиц. Растущая потребность населения в денеж-

ных средствах, связанная с сокращением значимости бартерного обмена в общественной жизни, приводила к становлению такого феномена как продажа преступно приобретенного имущества, что стимулировало «ответную реакцию» в виде развития системы скупки и перепродажи «грязных» товаров. Как следствие, приобретение «грязного» имущества стало рассматриваться в качестве сопровождающего основное преступление опасного поведения, для оценки которого были созданы специальные нормативные конструкции, как за счет отдельной криминализации приобретения – сбыта похищенного, так и за счет совершенствования института соучастия, обособления в нем роли пособника и подстрекателя.

С другой стороны, экономические интересы «третьих лиц» стали инициировать и поддерживать совершение преступлений исполнителями. На этапе ранней и средневековой истории активность «криминальных финансистов» не могла возникнуть объективно как по причине слабого развития товарно-денежных отношений, так и по причине того, что лицо, заинтересованное в преступлении, в принципе могло самостоятельно его выполнить. Конкретный, о вещественный результат преступления и преступление как некий социальный факт не были еще разведены. Отсюда – заинтересованность в преступлении могла мыслиться исключительно как заинтересованность в его результатах, в конкретном общественно опасном последствии. Преступная деятельность, представляющая собой в основной массе корыстные посягательства на собственность или межличностные конфликты, по большому счету не требовала финансирования ни в качестве стимулов для совершения преступлений, ни в качестве поддержки в исполнении преступных посягательств. Лишь усложнение самой преступности, вызванное усложнением системы общественных отношений, привело к появлению таких преступлений и таких механизмов их совершения, при которых сам процесс совершения преступления, с одной стороны, и его мотивы, конечная цель, результаты, возможности использования в качестве средства для решения тех или иных задач и т.д. – с другой стороны, стало возможным до некоторой степени изолировать друг от друга и даже проти-

вопоставлять. В тот момент, когда преступление стало позиционироваться как выступление против существующего правопорядка, а не против конкретных лиц, оно превратилось в относительно самостоятельный общественный феномен, который стал представлять отдельный интерес для некоторой группы лиц, готовых рассматривать его в качестве объекта инвестиций. С этого времени можно начинать отсчет истории собственно финансирования преступлений, когда уже не исполнители преступлений стимулировали развитие коммерческой деятельности в преступной среде, а собственно криминальная коммерция стимулировала и поддерживала совершение преступлений.

На нормативном уровне прямо о предоставлении средств для совершения преступления впервые в российском законодательстве упоминают Воинские артикулы Петра I. И в них, и в последующих актах нормативные предписания, которыми охватывались действия, связанные с предоставлением денежных средств для совершения преступлений, располагались, по преимуществу в рамках уголовно-правового института соучастия в преступлении. Самостоятельная криминализация исследуемых действий наблюдается в конце XIX в. Появление соответствующих норм стало, с одной стороны, выражением широкой научной дискуссии относительно понимания общественной опасности пособничества, которая всегда признавалась менее значимой, нежели опасность исполнительских или подстрекательских действий, а с другой стороны, отражением компромисса между признанием малой опасности пособничества как такового и необходимостью противодействия пособническим действиям средствами уголовного закона.

В § 3 «**Ответственность за финансирование преступления в законодательстве зарубежных стран**» проводится компаративный анализ уголовно-правовых предписаний, исходя из сложившейся в науке дифференциации уголовно-правовых систем. В качестве заслуживающих внимания предписаний иностранных законов отмечены:

- нормы об ответственности для тех, кто вознаграждает или другим способом, который может нарушить общественный порядок, публично, на собра-

нии или путем распространения письменных материалов одобряет совершение противоправного деяния, направленного против государства и общественной безопасности, после того, как это противоправное деяние было совершено или было совершено покушение на него, наказуемое в уголовном порядке (§ 140 УК ФРГ);

- положения о наказуемости лиц, осуществляющих руководство или организацию группировкой, созданной в целях оборота наркотических средств (ст. 222-34 УК Франции); а также лиц, напрямую или через посредника осуществляющих финансирование или участие в финансировании заведения, предназначенного для занятия проституцией (ст. 225-20 УК Франции);

- нормы об ответственности за материальную поддержку находящимися за границей и внутри страны организациями или отдельными лицами внутренних организаций или отдельных лиц, совершающих преступления против государственной безопасности (ст. 107 УК Китая), а также положения о признании соучастием в контрабанде предоставления контрабандисту кредитов, финансов, счетов (ст. 156 УК Китая).

Обзор иностранного законодательства выявил некоторые принципиально общие подходы, не различающиеся в зависимости от принадлежности государства к той или иной правовой семье. Установлено, что финансирование преступной деятельности до определенного времени рассматривалось практически всеми государствами как разновидность участия в «чужом» преступлении, как соучастие в собственном смысле этого слова, в форме подстрекательства или пособничества. Однако на некотором этапе конструкция соучастия, в основе своей так или иначе содержащая начала акцессорности, стала откровенно недостаточной. Акцессорность служила серьезным препятствием на пути привлечения к ответственности лиц, которые выполняли так называемые безрезультативные действия, направленные к совершению преступления. В первую очередь, государство ощутило потребность в уголовном преследовании таких лиц в случае планирования или подготовки преступлений, связанных с безопасностью самого государства (измена, заговор, восстание и др.). Выход был найден

в практике конструирования на этот счет самостоятельных составов преступлений. Эффективность такого метода была подтверждена в последующем посредством его распространения на иные преступные деяния, посягающие на отношения общественной безопасности и общественной нравственности.

Существующие сегодня различия в криминализации специальных случаев поддержки преступной деятельности представляются заслуживающими внимания, однако, не свидетельствующими о наличии принципиальных расхождений между странами. Они состоят в двух основных моментах: а) выделяет ли при описании составов преступлений в качестве самостоятельной альтернативной формы деяния финансирование преступлений или же финансирование поглощается более общей формулой пособничества, оказания поддержки и помощи; б) случаи финансирования какой именно преступной деятельности получают оценку в законе в качестве самостоятельного преступления (финансирование антигосударственной деятельности, деятельности, связанной с наркотиками, с проституцией и др.).

Глава 2 «Уголовно-правовой анализ финансирования преступления» посвящена исследованию вопросов нормативного оформления, квалификации и наказания за действия, составляющие финансирование преступлений.

В § 1 **«Финансирование преступных деяний как самостоятельное преступление»** поддерживается законодательная практика конструирования нескольких отдельных составов финансирования преступлений и критически оценивается идея создания общей нормы об ответственности за финансирование. Отмечается вместе с тем, что дифференциация правовой оценки финансирования предполагает необходимость выработки общего подхода к криминализации деяний и определению признаков состава преступления. Он предполагает: а) соблюдение единого стандарта технико-юридического обособления финансирования преступной деятельности каждый раз на уровне самостоятельной статьи закона (по образцу ст. 282³ УК РФ); б) обязательное дефинирование понятия финансирования применительно к каждому составу.

Далее в работе исследуются элементы общего состава финансирования

преступления.

1. Для описания предмета финансирования в ст. 205¹, 208, 282³ УК РФ предлагается использовать термин «деньги или иное имущество», под которыми понимать: наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки; безналичные денежные средства; денежные инструменты; ценные бумаги в документарной форме; бездокументарные ценные бумаги; имущественные права, результаты работ и оказания услуг имущественного характера; права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий; иное обладающее стоимостью имущество, которое может выступать в качестве объекта гражданских прав, а также юридические акты или документы, дающие право на такое имущество.

2. В описании объективной стороны финансирования преступления предлагается исключить специальный термин «финансовая операция», ограничившись такими действиями, как сбор и предоставление денег или иного имущества. Обосновывается необходимость учета следующих правил при квалификации преступлений по признакам объективной стороны:

а) распоряжение доходами от незаконного предпринимательства или незаконной банковской деятельности не составляет признаков составов данных преступлений, в связи с чем их размещение на криминальных рынках должно требовать оценки по совокупности преступлений;

б) совершение финансовых операций в процессе легализации доходов от преступлений представляют собой деяние, противоположное по смыслу финансированию преступлений, в связи с чем они могут составлять совокупность лишь при условии совершения в отношении различного по происхождению имущества;

в) когда предоставление ограниченного в обороте имущества для целей совершения преступления или функционирования преступной группы оценива-

ется законом в качестве преступления (такие случаи имеют место в 64% изученных уголовных дел) справедлива постановка вопроса о квалификации содеянного по совокупности преступлений. Его решение должно быть дифференцированным:

- снабжение лиц, планирующих или совершающих преступления террористической направленности оружием, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, без дополнительной квалификации по статьям об ответственности за незаконный оборот оружия, поскольку соответствующие действия прямо описаны в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ;

- действия организатора незаконного вооруженного формирования, которые состоят в снабжении формирования или его членов оружием, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 208 УК РФ и соответствующими статьями об ответственности за оборот оружия, поскольку вооружение не является обязательным признаком действий по организации незаконного вооруженного формирования;

- действия иного лица, снабжающего вооруженное формирование оружием, равно как и действия лица, вооружающего наемника, следует квалифицировать по статьям об ответственности за оборот подконтрольных предметов и по совокупности за пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 208 или ст. 359 УК РФ, поскольку запрещенные к обороту предметы не могут входить в объем понятия «средства» для целей применения норм об ответственности за финансирование преступной деятельности;

- разовую передачу активов для целей совершения преступления можно квалифицировать в качестве пособничества, а не финансирования, исходя из цели таких действий (практика исходит из того, что цель помощи конкретному лицу, которое являлось участником незаконного вооруженного формирования, в продолжении его преступной деятельности, не позволяет квалифицировать предоставление средств как финансирование незаконного вооруженного формирования);

- финансирование преступлений следует считать окончательным деянием

вне зависимости от того, было и реально совершено финансируемое преступление, а равно вне зависимости от того, на что именно были израсходованы средства при подготовке и совершении этого преступления. Для привлечения лица к ответственности за финансирование преступлений необходимо, чтобы субъект финансируемой преступной деятельности их принял.

3. Субъективная сторона финансирования преступной деятельности характеризуется умыслом и специальной целью. При финансировании средства предоставляются: а) для совершения конкретных преступлений, начиная от этапа их подготовки и заканчивая сокрытием следов; б) для обеспечения функционирования групп, созданных или создаваемых для совершения этих преступлений; в) для обеспечения функционирования запрещенных в стране организаций. В целях унификации подходов к оценке субъективной стороны предлагается в ст. 282³ УК РФ указание на «заведомость» исключить.

В § 2 «Финансирование преступных деяний как соучастие в преступлении» определяется, что виновно и причинно связанное с действиями исполнителями и преступным результатом финансирование может обладать признаками подстрекательства, пособничества и организаторства, в зависимости от того, какую роль оно играет в механизме самого преступного деяния. Исключение – финансирование преступления членами организованной преступной группы или преступного сообщества, которое следуя устоявшимся правилам квалификации, должно признаваться исполнением.

Целесообразно различать два вида финансирования:

а) предоставление денежных средств или иного имущества для их использования при совершении преступления, в том числе и для сокрытия преступления, его следов и участвующих в преступлении лиц, при котором денежные средства выполняют «обеспечительную» функцию, включаясь в уже разработанный механизм совершения преступления;

б) предоставление денежных средств или иного имущества для обеспечения участия в преступлении тех или иных лиц, при котором денежные средства обладают иницирующим, призывным свойством, а само финансирование но-

сит характер подкупа и призвано обеспечить последующую разработку механизма совершения преступления.

В первом случае имеем место пособничество в совершении преступления, во втором – подстрекательство к нему. В некоторых ситуациях пособнические и подстрекательские действия могут сочетаться в поведении одного лица, что способно изменить правовую оценку поведения на организацию преступления.

1. Финансирование как подстрекательство. Исследование не выявило случаев подстрекательства в «чистом виде», в 4% случаев осужденными выполнялись подстрекательские действия наряду с пособническими или организаторскими, еще в 22% случаев подстрекательские действия «поглощались» соисполнительскими действиями виновного. В границах подстрекательства финансирование преступления описано в законе с использованием слова «подкуп». Он имел место в каждом десятом случае подстрекательства; в 67% случаев он сочетался с иными способами подстрекательства.

Главное свойство подкупа – возбудить у третьих лиц намерение совершить или участвовать в совершении преступления. Возможность подстрекательства к продолжению начавшегося преступления (разделяемая 67% экспертов) требует ограничительного толкования. Подстрекательство после начала преступления возможно только в том случае, когда: а) субъект совершает продолжаемое или длящееся преступление; б) субъект совершает преступление, само деяние в котором объективно имеет некоторое продолжение во времени, например, побои, причинение вреда здоровью, изъятие имущества.

В ряде случаев подкуп отдельных лиц содержит признаки самостоятельного преступления (п. «б» ч. 2 ст. 204 УК РФ, ч. 3 ст. 291 УК РФ, ч. 1 ст. 309 УК РФ). Для его оценки в полной мере должны быть применимы правила квалификации соучастия совместно с правилами квалификации идеальной совокупности: лицо, осуществляющее подкуп специального субъекта, должно привлекаться к ответственности и за сам факт подкупа, и за подстрекательство его к совершению преступления.

Подстрекательство-подкуп, как правило, продиктовано корыстными мотивами, при этом они могут быть реализованы различным способом:

- подстрекатель инвестирует собственные средства в подкуп третьих лиц (в том числе и средства, одолженные у третьих лиц, не посвященных в преступные намерения подстрекателя);

- подстрекатель распоряжается средствами, предоставленными пособником (при этом возможно подстрекательство к пособничеству в форме предоставления средств);

- подстрекатель стимулирует участие в преступлении предоставлением доли от преступно приобретенного имущества.

2. Финансирование как пособничество. Пособники преступления, осуществляющие его финансирование, составили 6% от общего числа соучастников, 13% лиц совершили одновременно пособнические и исполнительские действия, еще у 6% пособничество преступлению было частью организаторских действий. Финансирование в качестве пособничества встречается не более, чем в 7% случаев от общего числа пособнических действий. Наиболее распространенным выступает предоставление денежных средств (85%), затем – обещание приобрести предметы, добытые преступным путем (10%), на последнем месте – устранение препятствий путем предоставления финансовых средств (5%).

Все случаи «финансового пособничества» условно разделяются на две группы:

а) пособничество, при котором денежные средства выступают в качестве орудий или средств совершения преступления (например, предоставление денежных средств для передачи их в качестве взятки),

б) пособничество, при котором денежные средства предоставляются для обеспечения выполнения действий, необходимых для подготовки или совершения преступления.

3. Финансирования как организация преступления. В преступлениях, предусмотренных ст. 209 и 210 УК РФ, финансирование как проявление организаторской деятельности встречается в 74% случаев. В преступлениях, совер-

шаемых при сложном соучастии, фигура организатора установлена в 8% случаев, из них в 67% организаторская деятельность включала в себя действия, связанные с предоставлением финансов.

Финансирование как проявление организаторской деятельности имеет различающееся значение в ситуации организации преступной группы и в ситуации организации конкретного преступления. В первом случае оно обладает более значимыми характеристиками, позволяющими рассматривать финансирование как элемент масштабной преступной деятельности, охватывающей собой все или многие аспекты функционирования преступной группы. Здесь финансирование раскрывается в его подлинном, экономическом смысле: аккумуляция финансов, их распределение, включая криминальное инвестирование, формирование криминального бюджета, социальная поддержка и пр. Такое финансирование зачастую требует обособления соответствующей криминальной функции и, вне сомнений, представляет повышенную общественную опасность. При организации же отдельного преступления финансирование выполняет гораздо более скромную роль, выступая лишь в качестве одного из средств обеспечения участия в преступлении конкретных лиц либо обеспечения выполнения конкретных преступных действий.

В § 3 «Наказание за финансирование преступления и конфискация имущества» основное внимание уделено вопросам адекватности и соразмерности санкций за финансирование преступлений. Утверждается, что санкции за преступления, объективная сторона которых состоит в финансировании преступных деяний, не обязательно должны быть сопоставимы или соотносимы с санкциями тех норм, которые устанавливают ответственность за сами финансируемые преступления, а равно с наказанием, которое, как правило назначается за соучастие в преступлении. Законодатель вправе устанавливать любые (однако обязательно соразмерные и адекватные) санкции за финансирование преступлений, не взирая на законодательные или объективно существующие ограничения в назначении наказания за соучастие или неоконченное преступление.

В работе выявлены особенности и закономерности конструирования санкций за финансирование преступлений:

- в случае, когда законодатель устанавливает ответственность за финансирование какого-либо одного, строго определенного преступления, он конструирует основание для этого в норме об ответственности за финансируемое преступление, определяя одну санкцию за оба действия; если же имеется потребность установить ответственность за финансирование нескольких различных преступлений (хотя и объединенных каким-либо признаком), она удовлетворяется посредством создания отдельной нормы об ответственности за финансирование преступления;

- степень альтернативности санкций за финансирование преступлений напрямую зависит от количества действий, финансирование которых влечет уголовную ответственность: чем более определен вид этого действия, тем менее альтернативна санкция;

- строгость санкции нормы об ответственности за финансирование преступлений, в том случае, когда в ней установлена ответственность за финансирование различных преступлений, не зависит от максимальной величины санкции, установленной в законе за наиболее опасное финансируемое преступление;

- имеется связь между строгостью санкции нормы об ответственности за финансирование и количеством альтернативных действий, описанных в диспозиции этой нормы: если норма устанавливает ответственность только за финансирование, санкция относительно невысока, если в норме криминализованы и иные, помимо финансирования, действия, санкция моделируется более строгая.

Знание этих закономерностей позволяет уточнить оценку общественной опасности финансирования преступлений. В работе доказывается, что высокие санкции ч. 1 ст. 205¹, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 359 УК РФ не вполне адекватно отражают опасность финансирования преступлений. Судебная практика осознает это несоответствие: каждому третьему осужденному по ч. 1 ст. 205¹ и ч. 1 ст. 208 УК РФ суды назначали наказание с применением правил ст. 64 УК РФ; от 3 до 10% осужденных назначено наказание в виде лишения свободы услов-

но; от 60 до 85% осужденных реальное наказание в виде лишения свободы назначено из нижней половины санкции. В работе доказывается целесообразность конструирования обособленной санкции только за финансирование преступлений, которое по характеру и степени общественной опасности должно образовывать преступление средней тяжести. Доказывается также целесообразность унификации подхода к конструированию санкций и включение в качестве альтернативного дополнительного наказания в санкции ч. 1 ст. 208 и ч. 1 ст. 359 УК РФ штрафа.

При анализе предписаний закона о конфискации установлено, что конфискация имущества, предназначенного для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества или организации (п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ) возможна в отношении лица, которое признано виновным в совершении любого преступления (не обязательно связанного с финансированием преступной деятельности), при условии, что будет доказано намерение этого лица использовать принадлежащее ему имущество для финансирования соответствующей противоправной деятельности. Конфискация в данном случае имеет под собой иное основание, нежели конфискация на основании п. «а» и «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. В последнем случае для применения конфискации нет необходимости доказывать наличие специальной цели использования денег или имущества, достаточно совпадения квалификации преступления с установленным в законе перечнем. При применении конфискации на основании п. «в», напротив, квалификация содеянного не имеет значения; важно – доказать наличие цели. Отсюда – и различия в объеме предмета конфискации: в первом случае только преступно нажитое имущество, во втором – и «грязное», и «чистое» имущество.

Для применения конфискации необходимо доказывать не только связь имущества с предполагаемым преступлением. Требуются и доказательства того, в каком размере лицо предполагало осуществлять финансирование терроризма, экстремизма или организованной преступной деятельности. Поскольку в реальной действительности такие доказательства могут быть представлены

только в редких и исключительных случаях, закон должен установить четкие ограничения в размере конфискуемого имущества.

В **заключении** представлены итоги исследования, сформулированы основные выводы и предложения.

Основные положения диссертации опубликованы:

В рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Кустова, В.В. Понятие, система и общая характеристика преступлений, связанных с финансированием [Текст] / В.В. Кустова // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 102–107. – 0,4 п.л.

2. Кустова, В.В. Зарождение уголовно-правовых норм об ответственности за финансирование преступления (X – XVII вв.) [Текст] / В.В. Кустова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 3. – С. 123–129. – 0,4 п.л.

3. Кустова, В.В. Финансирование преступной деятельности как самостоятельное преступление [Текст] / В.В. Кустова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 202–211. – 0,6 п.л.

В иных научных изданиях:

4. Кустова, В.В. Финансирование преступной деятельности как пособничество [Текст] / В.В. Кустова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 3. – С. 38–47. – 0,6 п.л.

5. Кустова, В.В. Финансирование преступной деятельности как проявление соучастия в преступлении [Текст] / В.В. Кустова // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. материалов VII науч.-практ. конф. молодых ученых (19 июля 2015 г., г. Москва) / под ред. А.Ю. Винокурова и К.А. Комогорцевой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – С. 186–195. – 0,4 п.л.

6. Кустова, В.В. Проблемы квалификации преступлений, выражающихся в финансировании криминальной деятельности [Текст] / В.В. Кустова // Квалификация преступлений: общие и частные проблемы: сб. материалов круглого стола (23 июня 2015 г., г. Москва) / под общ. ред. О.Д. Жука; науч. ред. К.В. Ображиев; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – С. 164–173. – 0,5 п.л.

7. Кустова, В.В. Конфискация имущества, предназначенного для финансирования преступной деятельности [Текст] / В.В. Кустова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (28 – 29 января 2016 г.). – М.: РГ-Пресс, 2016. – С. 273–276. – 0,2 п.л.

Подписано в печать 10.10.2016

Усл. печ. л. 1,5

Уч. – изд.л. 1,5

Тираж 150 экз.

Наряд № 57

УОП РИЛ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1